

Слова Ань Юаня изумили Хань Чаншэна. Все было бы ничего, если бы он помнил лишь Хань Инцзюня, в конце концов, он такой красавчик, но как этот парень мог помнить своего да шисюна, Ли Цзюлуна? Разве он не лишился воспоминаний?!

Увидев выражение лица Хань Чаншэна, Ань Юаня убедился в своей правоте.

Однако следующая реакция Хань Чаншэна стала неожиданностью для Ань Юаня. Молча протянув руку, Хань Чаншэн прикоснулся к голове Ань Юаня и, словно любящий мастер, погладил его по ней.

- Что ты делаешь? - потрясенно спросил Ань Юань.

Хань Чаншэн убрал руку, заодно подняв вуаль, закрывавшую лицо Ань Юаня. Какая жалость. Может, все еще получится, если он съездит Ань Юаню камнем по голове, а затем засунет его в мешок?

Заметив, что Хань Чаншэн долгое время ничего не говорит и, казалось бы, замышляет нечто недоброе, Ань Юань снова положил руку на рукоять меча.

- Ты все вспомнил? - спросил Хань Чаншэн.

Ань Юань нахмурился, но не стал отвечать.

Выражение лица Хань Чаншэна помрачнело:

- И как много ты вспомнил?

Ань Юань приподнял бровь:

- Хочешь знать, как много я помню о твоей истинной личности?

"Конечно же, это чуть собачья! То, сколько ты помнишь обо мне, зависит от количества лжи, которую я тебе скормил, идиот!"

Хань Чаншэн сделал глубокий вдох и продолжил притворство:

- Есть некоторые вещи, о которых тебе не известно. Расскажи мне, как много ты помнишь, чтобы я понимал, что именно нужно тебе объяснить.

Бровь Ань Юаня изогнулась еще сильнее:

- Ты можешь просто рассказать мне все, от начала и до конца.

- Не пойдет! - возразил Хань Чаншэн. - Ты не понимаешь, твой мастер... Связывающие нас с тобой узы так глубоки, что трех дней и трех ночей не хватит, чтобы завершить этот рассказ. Если ты что-то помнишь, то мне придется меньше рассказывать, это позволит тебе быстрее выяснить истину. Итак, что же ты помнишь?

Выражение лица Ань Юаня слегка изменилось, и спустя мгновение он произнес:

- Когда я услышал, о чем говорили те люди, то вспомнил, что я Хуанфу Фэнсюань Сичэнь, эр шисюн секты Юэхуа, которого зовут Ань Юань.

Хань Чаншэн мигом спросил:

- Тогда почему ты назвал меня да шисюном?

Ань Юань спокойно ответил:

- А разве ты не да шисюн? Я помню, как мы вместе упали со скалы.

Хань Чаншэн оторопел.

"Вот ведь убудок! Он вспомнил, как решил полетать со скалы! К тому же тогда, у подножия скалы, он скорей всего видел, как я избавлялся от маскировки".

Это было очень плохо. К сожалению, последние несколько месяцев, на протяжении которых он старательно маскировался, пошли коту под хвост, ведь Ань Юань видел его насквозь.

- Притворяться было так нелегко! - заявил Хань Чаншэн.

Ань Юань снова приподнял бровь, молча ожидая продолжения.

С помрачневшим лицом Хань Чаншэн произнес:

- Я был экспертом этого мира. Однажды, идя по дороге, я увидел, что впереди кто-то сражается. К тому времени, как я добрался туда, несколько горных разбойников уже убили какого-то парня в одежде ученика секты Юэхуа. По натуре своей я человек очень добрый. И просто не могу видеть, как происходит подобное. Я подумал о том, как, должно быть, опечалится мастер, потерявший такого ученика, как будут скорбеть его братья и сестры, утратившие старшего брата. У меня заболело сердце. Ох... - он положил руку себе на грудь.

Ань Юань яростно закатил глаза.

- Мне было так грустно, что я не мог ни есть, ни спать, - с подчеркнутой печалью в голосе проговорил Хань Чаншэн. - Я не мог перестать думать об этом и постоянно винил себя, что не подоспел вовремя, чтобы остановить тех разбойников. Я тоже отчасти был виновен в случившемся. В итоге я решил, что вместо него позабочуть о его старом мастере и приведу его братьев и сестер к светлому будущему во искупление этой оплошности.

Уголок рта Ань Юаня дернулся:

- Выходит, настоящий да шисюн мертв? Когда это случилось?

- Три-четыре месяца назад, - сказал Хань Чаншэн. - Когда тебя отправили доставить письмо в секту Наньшань, Ли Цзюлун тоже спустился с горы. Возле горы Молян он столкнулся с разбойниками, которые убили его.

Ань Юань удивился:

- Да шисюн тоже спустился с горы? И даже оказался возле горы Молян? Я об этом не знал.

Хань Чаншэн развел руками:

- Я пришел к выводу, что твой да шисюн всю дорогу следовал за тобой, вероятно, потому, что не мог перестать беспокоиться о своем эр шисюне. Он втайне тебя защищал, - чтобы прикинуться чистым и невинным белым лотосом, Хань Чаншэну пришлось бессовестно изобразить тем же лотосом Ли Цзюлуна.

Едва задумавшись об образе мыслей Ли Цзюлуна, Ань Юань смог догадаться об остальном. Кто бы мог подумать, что Ли Цзюлун в итоге свалится в им же вырытую яму и встретит в ней свой конец. Он сам не знал, испытывает ли жалость к нему, но его настроение все равно стало сложным. Однако его устремленный на Хань Чаншэна взгляд по-прежнему был полон недоверия:

- В таком случае откуда тебе так прекрасно известно обо всем, что происходит в секте Юэхуа?

Хань Чаншэн со всей серьезностью объяснил:

- Перед приходом в секту Юэхуа, дабы исполнить последнюю волю брата Ли и ничем не выдать себя, я посвятил какое-то время исследованию дел секты. Я проник в секту Юэхуа под личиной Ли Цзюлуна всего за несколько дней до твоего возвращения.

- Откуда ты знаешь навыки боевых искусств секты Юэхуа? - спросил Ань Юань.

- У Ли Цзюлуна имелось учебное руководство по навыкам владения мечом, - сказал Хань Чаншэн. - Я просто вслепую следовал написанным там инструкциям.

Ань Юань на мгновение замолчал, приводя свои мысли в порядок, после чего выпрямился и спросил:

- А что насчет Меча Поющего Дракона? Что случилось со стариком Сюаньцзи и старейшиной Лань Фаном?

Хань Чаншэн с сожалением произнес:

- Тебе уже известно, что старейшина Лань Фан принял твердое решение взять меня в ученики. Тогда-то он и подарил мне этот меч. Я не являюсь учеником секты Юэхуа, и мне было стыдно за это. Поэтому я обучил тебя всему, что узнал от старейшины Лань Фана.

- Что касается старика Сюаньцзи, то он сам передал мне свою внутреннюю силу, я этого не хотел. Он поступил так потому, что старик Сюаньцзи и старейшина Лань Фан были добрыми друзьями в юные годы. Старик Сюаньцзи чувствовал, что его жизненный путь подходит к своему завершению. Его старый добрый друг высоко меня оценил, потому он, в свою очередь, передал мне всю внутреннюю силу.

- Вот только, если честно, она мне совершенно не подходила, - продолжал Хань Чаншэн. - В самом начале ты и сам видел, в каком трагическом положении я находился, когда едва не умер, впад в отклонение Ци. Если бы не ты, я, возможно, не дожил бы до этого дня. Эти люди сказали, что я достаточно силен, чтобы насильно лишить старика его внутренней силы. Но разве смог бы я это сделать? Эти парни просто несли несусветную чушь. Что же касается известия о смерти старейшины Лань Фана, я впервые услышал об этом одновременно с тобой. Почему так вышло? Я еще больше озадачен этим, чем ты!

Ань Юань пристально посмотрел на него, пытаясь увидеть хоть какие-нибудь признаки лжи у него на лице. Но Хань Чаншэн слишком хорошо играл свою роль, и ему не удавалось видеть этого парня насквозь.

На его лице было искреннее выражение, и он даже поднял руку, чтобы смахнуть с глаз слезинки.

Ань Юань медленно произнес:

- Значит, ты нарочно спрыгнул со скалы в тот день? Почему?

Хань Чаншэн едва не растерялся.

"Вот черт, я почти об этом забыл. Как посмел этот парень затаить на меня обиду?!"

Изначально, прыгая с той скалы, он всего лишь хотел, чтобы Ань Юаня изгнали из секты, а заодно это помогло бы ему избавиться от личности Ли Цзюлуна. Кто ж мог знать, что этот безмозглый Ань Юань спрыгнет следом за ним?! Как можно винить в этом его?! К счастью, Хань Чаншэн обладал исключительной способностью подстраиваться под обстоятельства. Он соврал:

- Разве можно сделать такое намеренно? Я не замечал, что ты того и гляди упадешь. А затем мое тело среагировало и оттолкнуло тебя раньше, чем я успел подумать об этом. Разве я не случайно скатился вниз?

- Ты висел на стене под утесом... - проговорил Ань Юань.

- Я и сам не ожидал, что под скалой окажется так много лиан, - мигом отозвался Хань Чаншэн.
- Я выжил в этом несчастном случае и мог вернуться вместе с тобой в секту Юэхуа, чтобы и дальше день и ночь любоваться тобой. Я был так счастлив и взволнован, что мне невольно захотелось посмотреть на Небеса и рассмеяться. Но не успел я улыбнуться, как увидел, что ты летишь вниз.

Ань Юань:

- ...

Слова Хань Чаншэна действительно многое объясняли, но Ань Юаня по-прежнему не оставляли сомнения. Хань Чаншэн уже двадцать лет врал как дышал. Он прекрасно знал всю правду о лжи. Важнее всего было взять три десятых истины и добавить семь десятых лжи, а затем перемешать их, окружив ложное истинным.

Ань Юань с подозрением посмотрел на него:

- Тогда почему ты не вернулся в секту Юэхуа после падения со скалы?

Хань Чаншэн снова развел руками:

- Ты упал и сильно поранился, а потом сказал, что потерял память. Я опасался, что у тебя могут возникнуть неприятности после возвращения в секту, и боялся, что у тебя останутся какие-нибудь последствия. Поэтому отыскал подходящее место, где мог бы обучить тебя навыкам владения мечом и неторопливо залечить твои раны.

Ань Юань сделал глубокий вдох:

- Я задам тебе еще один вопрос. Какое из твоих лиц настоящее?

Указав на себя, Хань Чаншэн заявил:

- Это настоящее!

Ань Юань нахмурился, а на его лице отчетливо было написано недоверие.

Хань Чаншэн схватил себя за щеки, говоря:

- Это правда. Взгляни, если бы это было не так, разве маска не сорвалась бы сейчас?

Хань Чаншэн использовал только лучшие, удобные в использовании средства, которые старательно разрабатывались поколениями мастеров Тяньнин. Эти маски не только выглядели как настоящие лица, но и на ощупь казались ими. Он уцепился за собственное лицо, и, конечно же, смог добиться нужного эффекта. Однако, если бы Ань Юань повнимательней присмотрелся, он смог бы отыскать ключ к разгадке.

- Тогда что насчет Хань Инцзюня? - спросил Ань Юань.

- Ты же говорил, что у тебя лишь один вопрос, - пробормотал Хань Чаншэн. - Откуда взялся еще один?

Увидев, что Ань Юань пристально уставился на него, Хань Чаншэн сказал:

- То лицо тоже было фальшивым. Оно принадлежит одному из моих друзей. После твоего падения со скалы я испугался, что ты можешь умереть, и подумал, что было бы неплохо им притвориться. Он знаком со многими людьми в мире боевых искусств. Возможно, с его помощью мне удалось бы отыскать чудесного доктора, способного тебя вылечить, но тут ты внезапно очнулся!

- Я не верю тебе, - холодно заключил Ань Юань.

Хань Чаншэн в замешательстве схватился за голову и со всей возможной искренностью произнес:

- Почему ты не веришь?! Я же говорю правду!

Иначе говоря, он уже начинал подумывать о том, чтобы снова вырубить его, заново лишив всех воспоминаний.

Глядя ему прямо в глаза, Ань Юань произнес:

- Ты потратил столько времени, и все ради чужого блага. Что у тебя на уме?

Хань Чаншэн сам не знал, как так вышло, но он вдруг выпалил:

- Я хочу тебя!

Ань Юаня это настолько ошеломило, что его зрачки слегка сузились. Нельзя сказать, что этот ответ никогда не приходил ему в голову, но когда Хань Чаншэн признался ему прямо в лицо... он почувствовал себя... немного смущенным...

- Изначально я пришел в секту Юэхуа из-за Ли Цзюлуна, - признался ему Хань Чаншэн. - Но, узнав тебя получше, я понял, что ты дракон и феникс среди людей. Неважно, будь то твоя нежность или великодушие, твоя пронзительность, улыбка или серьезное отношение - все это тронуло мое сердце. Мне просто хотелось остаться рядом с тобой, сопровождая и помогая тебе. Поэтому я обучил тебя навыкам владения мечом, по этой же причине помогаю отыскать убийцу отца. Я хочу проживать рядом с тобой каждый день и проложить для тебя путь в лучшее будущее. Неужели ты сам не понимаешь, что у меня в сердце?

Хань Чаншэн услышал, как участилось дыхание Ань Юаня, и увидел, как тот опустил вуаль на своей шляпе, прикрывая лицо. Таким образом он не увидел лица Ань Юаня, по цвету напоминавшего алый закат, и не узнал, что его сердце колотилось так, словно вот-вот выскочит из груди.

Хань Чаншэн немного забеспокоился. Поверил ли ему собака-лорд?

Еще с детства, старательно убеждая старых мастеров, а позже обманывая личных стражей, он так натренировал свои ораторские навыки, что речь, исходящая из его уст, стала слаще меда. Искренность в его глазах могла бы и лед растопить. Но то были люди из секты Тяньнин. Собака-лорд отличался от них. Кто знает, поверит ли он в эту историю?

Понизив голос, Ань Юань его упрекнул:

- Ты по-настоящему толстокожий.

Хань Чаншэн, занервничав, потрогал свое лицо. Возможно ли, что он был способен видеть истину сквозь нагромождение его лжи?

Но Ань Юань только забрал у него из рук бурдюк с водой, развернулся и зашагал прочь. Он убрал его в кожаную сумку, подвешенную к седлу, а затем прошептал:

- Сейчас я не могу дать свой ответ. Я не могу тебе доверять и недостаточно хорошо знаю тебя.

Хань Чаншэн на секунду растерялся: - "Ответ? Я что, просил собаку-лорда дать мне ответ? Что такого я ему наговорил, чтобы он так подумал?"

Ань Юань повернулся к своей лошади и изо всех постарался заговорить спокойным тоном, однако его голос все равно выдавал некоторое волнение:

- Куда отправимся теперь?

Хань Чаншэн понятия не имел почему, но собака-лорд прекратил допытывать его своими вопросами. Возможно, из-за смущения.

- Давай вернемся в секту Юэхуа.

Минутка переводчика.

Автор нас что-то не балует, поэтому на правах фанфика. Сами решайте, читать или нет =)

Хань Чаншэн услышал, как участилось дыхание Ань Юаня, и увидел, как тот пытается опустить вуаль на своей шляпе, желая скрыться за ней от него. Шагнув вперед, он неосознанно схватил его за руку и тогда увидел прекрасное лицо, по цвету напоминавшее алый закат.

При виде этой картины сердце Хань Чаншэна само собой заколотилось так, словно вот-вот выскочит из груди. Он посмотрел в эти наполненные обидой и смущением волнующие глаза, затем его взгляд начал опускаться ниже, к идеально очерченному прямому носу, пока не добрался до изящного изгиба манящих губ. И именно в этот момент Ань Юань их облизнул.

В разуме Хань Чаншэна словно оборвалась давно натянутая до предела струна. Сколько дней он, завидуя, любовался этими губами, сколько ночей они преследовали его? Повинуясь внезапному импульсу, он наклонился и прикоснулся к ним своими губами. Ань Юань, вздрогнув, попытался отстраниться, но он не отпустил, крепкими руками удержав его за шею и талию. Не тогда, когда желанный запретный плод уже оказался во рту. Нет, он не пытался сделать ничего чрезмерного, это было всего лишь прикосновение. Губы Ань Юаня оказались нежными и прохладными, как лепестки лотоса. С трудом оторвавшись, Хань Чаншэн, тяжело дыша, отступил. И тут же проснулся.

Чувствуя, что его сердце до сих пор не в состоянии успокоиться, он открыл глаза. Стояла темная ночь. Накануне им с Ань Юанем пришлось занять один номер в гостинице, а после усмирения его внутренней силы они настолько устали, что заснули рядом друг с другом. Верный своей привычке Хань Чаншэн обнял Ань Юаня во сне. И сейчас, когда он открыл глаза, перед ним очутилось то же прекрасное лицо, что явилось ему во сне. Первым побуждением Хань Чаншэна было ударить его посильнее, но его кулак так и не смог опуститься. Посмотрев

на это безмятежно спящее лицо, на котором до сих пор виднелись следы усталости, Хань Чаншэн сделал глубокий вдох, успокаивая себя. Затем с досадой пробормотал:

- Вот ведь, - и, снова обняв Ань Юаня, закрыл глаза.

Как только успокоилось дыхание Хань Чаншэна, глаза Ань Юаня широко распахнулись. Ему потребовалась вся сила воли и навык черепашьего дыхания, чтобы продержаться, пока Хань Чаншэн снова не погрузится в сон. Что сотворил этот парень?! Мало того, что он обнимал его и звал по имени во сне, теперь он еще и начал его целовать?! А почему он не сопротивлялся, словно воспринимал это как должное? Ань Юань окончательно запутался. За размышлениями об этом он провел очередную бессонную ночь.

<http://bllate.org/book/14818/1320190>